

ИОГАНН ГЕФФКЕН

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ
ВЕКОВ ХРИСТИАНСТВА

Иоганн Геффкен

**Из истории первых
веков христианства**

«Public Domain»

1908

Геффкен И.

Из истории первых веков христианства / И. Геффкен — «Public Domain», 1908

«Современная эпоха нашего духовного и нравственного существования снова выдвинула на первый план вопросы религиозной жизни, и мы, немцы, с полным правом можем превозносить ее за это, хотя бы в других отношениях мы и считали многое в ней заслуживающим лишь осуждения и не находили бы особого удовольствия жить в эту эпоху. На какой бы точке зрения мы ни стояли, – желая вынести вполне справедливое решение, мы несомненно должны признать, что среди наших современников лишь очень немногие принадлежат в разряде хулителей...»

Содержание

I. Вступление христианства в греко-римский мир	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Иоганн Геффкен

Из истории первых веков христианства

I. Вступление христианства в греко-римский мир

Интерес к христианству в наше время. – Точное определение задачи. – Настроение мира в эпоху Христа. – Духовная жизнь в эпоху Христа. – Вера в бога в античном мире. – Спор между античными философскими школами. – Значение стоической философии. – Продолжение философской полемики.

Современная эпоха нашего духовного и нравственного существования снова выдвинула на первый план вопросы религиозной жизни, и мы, немцы, с полным правом можем превозносить ее за это, хотя бы в других отношениях мы и считали многое в ней заслуживающим лишь осуждения и не находили бы особого удовольствия жить в эту эпоху. На какой бы точке зрения мы ни стояли, – желая вынести вполне справедливое решение, мы несомненно должны признать, что среди наших современников лишь очень немногие принадлежат в разряд хулителей. Настоящая фривольность вообще, слава Богу, редкая гостья в немецких землях; выражение «христианские бонзы» принадлежит тому быстро протекшему времени, когда самый грубый материализм, казалось, завладел многими умами. Мы, слава Богу, в этом отношении ушли далеко вперед; даже совершенно нерелигиозные философы и историки видят в христианстве великую, отчасти даже величайшую проблему человеческого развития. Помимо лекций на религиозные темы, на которые собираются обыкновенно лишь лица одинакового образа мыслей, мы замечаем, что вообще в Германии с каждым днем становится все сильнее и сильнее жажда более близкого ознакомления с содержанием и значением христианства. Разве не является, напр., важным симптомом то, что А. Гарнак имел возможность говорить в Берлине о сущности христианства перед аудиторией, состоявшей почти из 600 студентов всех факультетов. Такое же знамение времени составляет и появление в свет размышлений и исследований об учении Иисуса, написанных Чэмберленом, известным автором основных течений XII века. Сюда же следует отнести также и тот интерес, который был проявлен сначала германским императором, а за ним и всей Германией к лекциям Делича о «Вавилоне и библии».

Лекции Гарнака и Делича вызвали целый поток полемической литературы. Твердая критическая и теософическая позиция первого оскорбила ортодоксальных теологов, слишком большая переоценка результатов, добытых вавилонскими раскопками, сделала Делича объектом еще более энергичных нападок. По-видимому, в этой области, касающейся не одного только разума, трудно достигнуть действительной объективности. Повсюду раздаются требования беспристрастного исследования и тем не менее, когда в этой области появится какое-либо новое литературное произведение, прежде всего спрашивают о его «точке зрения». И как это ни печально, но это почти необходимо. Пока наше воспитание будет христианским, до тех пор мы не в состоянии будем рассматривать проблемы христианского предания, как предмет чистого рассудка. Как бы мы ни смотрели на вопрос о подлинности евангелий, будем ли мы считать их дополняющими друг друга, или же отдадим предпочтение одному из них, признаем-ли мы действительным историческое существование Христа или же будем считать его лишь мифической личностью: во всяком случае глубокое, подчас даже самое сокровенное участие чувства в работе необходимо. Ибо, если теолог, занимающийся вопросом о явлении Христа, человек без чувства, то он не настоящий теолог. Но как раз поэтому-то, каковы бы ни были его взгляды, он всюду легко наживает врагов, которые так же искренни в своих суждениях, как и он, но, в сожаление, не всегда склонны признавать его честность.

Мы не будем говорить здесь о личности Христа и его деяниях, об евангелиях и т. п. Историк и филологу, который в сущности не менее близко принимает в сердце вопросы христианства, чем теологу, все-таки изучать их гораздо легче. Он скорее сумеет отнестись к ним без всяких предвзятых мыслей, он может, исходя из какой-либо области, проникнуть от периферии к центру; для теолога же исходным пунктом большею частью является сам Христос, и обыкновенно он проводит свои круги вокруг одного центра. И здесь, в этой области истории христианства, где источники становятся тем обильнее, чем дальше мы уходили от самой личности Христа, мы достигаем также более положительных, я бы сказал, более мирных результатов, чем при изучении самой личности Христа. Но все-таки подобные исследования всякий раз снова приводят в центр всего рассматриваемого движения; по глубине и разнообразию того возбуждающего действия, которое оно оказывает на умы, мы постоянно вновь представляем себе величие того, кто вызвал это движение.

Посвящая несколько глав эпохе древнейшего христианства, т. е. главным образом эпохе II столетия, мы, как ни стремимся к этой цели, тем не менее никоим образом не можем претендовать на достижение полной объективности, или лучше сказать: на установление объективных истин. На самом деле, положив руку на сердце, мы должны признать, что в действительности существует только один неопровержимый факт, – это факт победы христианства; причины этой победы, как-бы просты они ни казались наивному уму, гораздо более глубоки; чем многие думают; да, ответить на этот вопрос, может быть, возможно лишь догадками. Но тем не менее мы попробуем до некоторой степени беспристрастно проследить самый процесс осуществления этого факта и придти к некоторым поучительным результатам. Правда, очень возможно при этом, что эти результаты оскорбят внутреннее чувство некоторых, или пошатнут чье-нибудь кровное убеждение. Но здесь менее, чем где-либо, мы должны опасаться смотреть истине в глаза, ибо ведь как раз христиане и стремятся к познанию истины. Такая гигантская эволюция, как победа совершенно нового мировоззрения, совершается не без заблуждений, не без сильнейшей, нередко превосходящей всякую меру страстности, не без временных поражений: буря и натиск весьма человеческие свойства, характеризуют также и ход возникновения христианства. Но как раз поэтому то человеческая личность и здесь, среди всей этой, часто весьма мало радующей душу борьбы сохраняет свой победный блеск, и цель борьбы, достижение высочайшего мыслимого на земле идеала, более чем где-либо и когда-либо сглаживает ошибки страстей.

Мы только-что говорили о все усиливающемся интересе, проявляемом в наши дни к этим вопросам. И по какой-то почти таинственной случайности теологическое исследование, также вновь воспрянувшее за последнее время, получило поддержку в совершенно неожиданных открытиях. За последнее время было сделано и делается множество находок, о которых еще недавно никто не решался и мечтать. Древнейшие сочинения, считавшиеся давным давно утерянными, появляются на свет в более или менее целом виде, древне-христианские послания к пастве, множество апокалипсисов, отрывки евангелий, предполагаемые слова Христа. И чем больше мы находим, тем сильнее делается надежда найти еще большее; и ничего нет мудреного, что в один прекрасный день мы еще узнаем о находке нового древнего евангелия. Правда, одновременно с этими находками возникает и масса новых проблем, и к абсолютному знанию, по самой природе этих проблем, мы приближаемся менее, чем в какой-либо другой области.

Переходя прежде всего к рассмотрению состояния язычества в эпоху выступления христианства, сначала нужно опровергнуть тот, еще весьма распространенный, взгляд, будто бы во времени появления Христа язычество, или лучше сказать – греко-римский мир был уже настолько разорен, что сам объявил себя банкротом. Алтари будто бы были совершенно оставлены, авгуры занимались высмеиванием друг друга, самые невероятные пороки беспрепятственно торжествовали, Рим сделался Вавилоном отвратительнейших преступлений, и если

греки и не были так развращены, как римляне, то и они проводили время лишь в бесплодной философской болтовне, которую апостол Павел застал в Афинах. Все это в такой форме либо совершенно неверно, либо, если и верно, то в весьма небольшой степени и основано на совершенно одностороннем взгляде.

Несомненно, мир устал, но не в том смысле, как это нам нередко стараются представить. В культурном отношении он вовсе не дошел еще до своего естественного конца; эпоха, породившая писателей Цезаря, Горация и Тацита (называю лишь наиболее крупные имена), не может считаться исчерпавшей самое себя. Чувствовалось только материальное разорение, благодаря вечным междоусобным войнам, об опустошительном действии которых мы не можем даже составить себе достаточное представление. Ошибки экономической политики Рима совершенно обессилили провинции, не смотря на то, что отдельные дальновидные люди и старались облегчить положение провинциалов. И вот, после всех невзгод, продолжавшихся целые десятилетия, возникла империя, и империя здесь действительно принесла с собою мир. Возникло то центральное место, в котором провинциал мог обращаться со своими нуждами, щедрые владыки стали править в Риме, который до этого лишь расхищал чужое добро: над землею был снова судья. Материальная жизнь, после глубокого упадка, опять достигла расцвета, и если сенат в Риме все еще стоял отчасти в стороне, и дружественные ему писатели не находили достаточно слов против тирания императоров, то провинция напротив, почти с первого же дня существования империи, сделалась фанатическими приверженцами её, и многие из императоров, на которых мы через сенаторские очки привыкли смотреть, как на извергов, в провинции считались благодетелями. Прежде всего, конечно, сам Август. Благодарная провинция Азия – факт, который стал нам известен, благодаря лишь одной новейшей находке – чтит его, как «спасителя», и мы знаем теперь, с какой целью христианство так энергично старалось перенести это имя на основателя собственной религии: назареянин должен был вытеснить римского императора. – Всматриваясь в историю этих императорских фамилий и их дворов, мы, конечно, не можем не содрогаться при виде тех ужасов, которые там творились. Но эти противоестественные преступления достаточно часто случались и в другие эпохи. Интимная история многих европейских дворов ничем не отличается от истории римского двора, и если о нравственности современных народов судить только по «*chronique scandalense*» известных общественных кругов, то можно придти к весьма пессимистическим результатам. Благодаря античной откровенности и пристрастию историков к скандальным фактам, эти образцы римской испорченности получили такое освещение, как будто они составляли тогда общее правило. Но два фактора позволяют судить о морали данной эпохи: нравственное отношение к совершающемуся в ней злу и позитивное выполнение добра. Первый момент не находился в забвении в императорскую эпоху, во всяком случае в гораздо меньшей степени, чем, напр., в эпоху итальянского возрождения; те римские императоры, которые действительно ничего не стоили, находили всегда осуждение в народе. Труднее ответить на вопрос: «что доброго дало то время?» Люди тогда, конечно не были многим хуже, чем какое-либо другое время; религиозное чувство и потребность в религии постоянно возростали, как о том свидетельствуют богослужения, о которых будет речь впереди, но рост материального благосостояния, глубокий мир в провинции погружали общество в столь же глубокую бездеятельность. Празднества сменялись празднествами, повсюду произносились речи, которые современному человеку нужно прочесть, по крайней мере, три раза, чтобы понять все ничтожество того повода, по которому они произносились. – Но этой внешней бездеятельности соответствовала мощная жизнь духа. Бесчисленные надгробные надписи свидетельствуют о глубине того чувства, которое вызывала смерть близкого человека, особенно о тесной супружеской связи, сблизившей любящие сердца: ведь, в эпоху императоров жила та римская женщина, которая, видя умирающего мужа, вонзила себе нож в сердце, воскликнув: Пэт, мне не больно! Читая, далее, произведения Сенеки или Эпиктета, мы не можем не поражаться святостью и возвышенностью их

нравственного мировоззрения. Не даром еще до сих пор существует мнение, что Сенека непременно должен был иметь понятие об учении Христа; это мнение повторяет ошибку последних веков древности, когда на основании сходства учения Сенеки с христианством, была сочинена даже целая переписка между апостолом Павлом и Сенекой, сохранившаяся до нашего времени.

Но в эпоху зрелости находится в почете и развивается наука. Здесь, несмотря на то, что нам известны имена выдающихся юристов и филологов, об этом много говорить не приходится. По крайней мере, греческая наука, о которой в сущности только и может идти речь, достигла уже ранее своего высшего развития; она не увеличивает дальше запас знаний, а сохраняет и собирает уже известное. Прежде всего бросается в глаза сильный застой в точных науках. Математика и астрономия приходят в упадок и вновь переживают расцвет лишь в конце древности, явно противодействуя христианству, не ожидавшему ничего доброго от математики. Наряду с этим комментируются старые произведения и традиции передаются потомству. То же самое и с географией. Здесь также мы тщетно стали бы обращаться к отдельным представителям этой науки с вопросами об их путешествиях или самостоятельных исследованиях, мы можем спрашивать их только о тех источниках, какими они пользовались, и от которых их отделяют нередко целые столетия. Довольно печальным знаменем для этой эпохи и её научных стремлений является также то обстоятельство, что её величайший географ, знаменитый Птоломей, написал произведение об астрологии. Медицина в свою очередь находится в жалком состоянии; единственный, действительно выдающийся, врач и писатель этого времени, Гален, комментировал также более древние произведения и кроме того жил многими другими интересами. Наконец, исторические науки, если вообще можно говорить о таковых в древности, совершенно утратили свое настоящее значение. Историка, который действительно занимался бы серьезным, объективным изучением источников, нет; все сводится – и это вообще основная ошибка античной историографии – к красивым описаниям. Даже такие личности, как Тацит, главным образом привлекают нас, как писатели; строгой истины, несмотря на их обещания, у них искать нечего. Только одна отрасль духовной деятельности составляет предмет действительно всеобщего внимания и все возрастающего интереса, которого позже не могли избежать и христиане; это – красноречие, или вернее – искусство высказывать возможно многоречивее, изысканнее и запутаннее то, что можно было бы ясно выразить немногими словами. Это с малолетства изучается в школах реторики, где каждый приучается писать различным стилем, соответствующим различным предметам.

Успехам науки соответствует её оценка. Греческая философия уже давно занималась, как это мы подробнее увидим далее, внутренним развитием человека. Но лишь в эту эпоху впервые все более и более выдвигается идея, что наука ничему не может помочь, что все должно сосредоточиться на заботах о душе. Упомянутый уже Сенека, хотя иногда и горячо защищает науку, как он ее понимает, но делает это лишь потому, что так поступали его греческие предшественники. Там, где проявляется его собственное убеждение, мы слышим нечто совершенно иное. Геометрия, по его мнению, ничего не стоит: какая польза, восклицает он, в вычислении площади данного участка земли, если я не умею поделиться им с братом! Не надо знать более того, что необходимо; большинство ученых скучны, болтливы, надоедливы и заняты собой. Наука не делает человека лучше, это достигается лишь изучением мудрости. – Таким образом, когда утверждают, что христианство было враждебно образованию, то в такой форме это неверно. Правда, христиане не менее враждебно относились в абсолютному знанию, чем греко-римские философы; но последние сами дошли до этого, христиане же мыслили так, как все окружающие: утомление знанием древнего мира и для христианства является одной из его предпосылок.

Итак, главный интерес эпохи сосредоточивается на собственном я. Это не свидетельствует о людях того времени с худой стороны, тем более, что такое настроение было широко распространено. Но интерес, проявляемый к своему собственному внутреннему миру, необ-

ходимо приводить к вопросу: кто твой бог, и как ты относишься к нему? С этим вопросом связано все понимание эпохи. Поэтому, мы должны более подробно рассмотреть религиозное настроение античного человечества в эпоху явления Христа и в последующие десятилетия, тем более, что теологи в этой области нередко исходят из совершенно общих представлений, не изучая самостоятельно источников.

Вера в богов нередко являлась камнем религиозного преткновения для мыслителей древности; известно, что Платон хотел совершенно изгнать из своего идеального государства чтение такого безбожного поэта, как Гомер. Но это были только отдельные выступления. Новая эпоха теологического мышления впервые зарождается лишь в конце IV века. Беспрецедентное величие Александра Македонского, по-видимому, до бесконечности раздвигало пределы человеческой мощи, и желание царя, чтоб ему воздавали божеские почести, было исполнено, не смотря на протесты некоторых скептиков. Его преемники действовали также. И раз люди стали считаться богами, то, как прямой вывод отсюда, мог возникнуть и взгляд на богов, как на людей. Подобные рационалистические мнения, что культ богов возник из почитания особо выдающихся людей, нередко высказывались уже и ранее, но впервые в систему привел их грек Эвгемер, по имени которого и все это рационалистическое направление получило название эвгемеризма. Эвгемер написал нечто в роде романа-путешествия, в котором он рассказывал, что в одной древней надписи ему удалось найти рассказ, где деяния богов описывались, как деяния древних царей. Эти цари позднее, будто бы, объявили себя богами. Выдающиеся умы древности относились в этой неостроумной, но, по-видимому, пользовавшейся в то время успехом книге довольно пренебрежительно, вследствие множества, встречавшихся в ней, выдумок; христианам она во всяком случае нередко служила хорошую службу в их борьбе против язычников. Для нас она является только знаменем времени, только симптомом, а вовсе не планомерным, глубоко продуманным нападением на народные верования в богов; иначе автор не придал бы своим рассуждениям формы романа-путешествия. Этой полемике впервые была придана система, когда приверженцы Эпикура, того философа, именем которого впоследствии злоупотребляли для обозначения стремлений ко всякого рода пустым наслаждениям, открыли поход против народных греческих богов. Мы должны остановиться на этом несколько подробнее, так как в противном случае нам не будет понятна полемика христианства против язычников. Эпикурейцы прежде всего останавливались на человеческих несовершенствах богов. Если на Крите показывают могилу Зевса, то следовательно, отец богов когда-то действительно умер, так же, как и прекрасный любовник Афродиты, Адонис; поэтому, он не мог быть богом. Кроме того, эти боги часто испытывали тяжкия муки и страдания, Геркулес находился в услужении у Еврисфея, Арес и Афродита были ранены, а сколько было еще подобных же сказаний. Не менее недостойно божества также, что оно постоянно носит с собою символ своей должности, лук или молот, зеркало и т. п. И как должны мы представлять себе богов? Неужели у Аполлона постоянно гладкая щеки и все одна и та же внешность, неужели бог-кузнец, Гефест, постоянно хромал на одну ногу? Сыновья Зевса заполнили собою весь мир; сам верховный бог ради любовных походов не боялся превращаться то в быка, то в лебедя, то в орла. Далее, разве эти боги не находятся в постоянной вражде между собою? Во время троянской войны они отчаянно нападали друг на друга, на высоте Олимпа Зевс угрожает богам низвержением, а когда супруга верховного бога хочет что-нибудь выполнить, то она без зазрения совести обманывает своего мужа. На самом деле эти боги не обладают ни одним божественным качеством; они думают предсказывать будущее жалким людям, и тем не менее, сам Аполлон, божественный прорицатель, преследуя Дафну, не подозревает, что она тотчас превратится в лавр. Такие боги не могут служить образцами для людей; напротив, их пример действует чрезвычайно пагубно и только побуждает людей ко злу. Поэтому, почитать этих богов – это значить уподобляться безбожникам, и поэты, сочинив эти басни, совершили тяжкий грех. Несомненно, боги существуют, так как иначе вера в них не была бы так распространена, и не правы те, кто

разыгрывает из себя вольнодумцев, в то время, как народ устраивает в честь богов празднества и приносят им жертвы; не следует разбивать ничью веру. Но могут ли эти боги помочь нам, вообще, заботятся ли они о нас, это более, чем сомнительно.

Таков был серьезный и сильный взгляд эпикурейцев. Но чувство грека не могло удовлетвориться этим полным отрицанием. Его страстное искание связи между человеком и божеством удовлетворялось, по крайней мере, отчасти учением стоиков. Стоики, правда, также признают, что боги, изображенные поэтами и виновные в тяжких преступлениях, представляют полное ничтожество. Но не нужно понимать их буквально. Эти мифы имеют глубокое аллегорическое значение. Зевс не есть оболститель смертных жен, он – тот мировой разум, который придает порядок всему, – так называемый, логос (который с некоторым видоизменением упоминается также во вступлении к Евангелию Иоанна), Зевс – душа вселенной. Точно так же и Арес не что иное, как война, Гефест – огонь, Гера – воздух, Аполлон – солнце, Артемида – луна. Таким образом, когда боги на Олимпе борются с Зевсом, то это означает лишь борьбу элементов между собою, когда царь богов низвергает Гефеста с Олимпа на землю, то в этом нужно видеть лишь факт сошествия на землю огня, когда Арес, раненый Афиной, издает громкий крик, то это не что иное, как недисциплинированное, грубое варварское войско, поднимающее страшный шум в битве, и, наконец, когда Арес соединяется с Афродитой, то это свидетельствует лишь о связи между враждой и любовью для целей гармонии. Этот аллегорический рационализм, встречающийся, хотя и в измененной форме, и в позднейшем христианстве, был лишь внешностью стоического учения и, конечно, не мог наполнять религиозное сознание. Главным для стоиков является вера в провидение, вера, которая в той же форме и опирающаяся на те же аргументы, свойственна и рационализму XVIII века, вообще столь сходному с стоическим учением. Стоик, глядя в мир, находил, что все в нем устроено чудесно. По вечным, железным законам совершается движение светил, и все они так или иначе служат человеку. Следовательно, за всем этим чудесным устройством должна скрываться какая-то движущая сила. Варвары при виде вертящегося глобуса, с вращающимися вокруг него звездами, поражаются этим продуктом человеческого разума. Неужели же мы можем поверить, что небесный свод вращается сам собой. Что нет той души, той первоначальной причины, которая приводила бы его в движение? Войдем в гимназию, где труд совершается по определенному плану, взглянем на благоустроенный город, посмотрим на плывущий корабль: неужели мы можем признать, что все это совершается само собою? А как прекрасна сама земля, в каком порядке все на ней устроено, какая соразмерность, какая целесообразность господствуем всюду! Все сделано для того, чтоб обеспечить животным сохранение и внешнюю безопасность, против всех могучих явлений природы они вооружены особыми органами защиты. Но для кого же все это существует? Конечно, не для самого себя, – целью природы постоянно является польза человека. А сам человек, как искусно и тонко он создан! Каждая часть тела приносит особую пользу, имеет свое особое назначение, даже отличается своей индивидуальной красотой. Если, таким образом, мы сами обладаем превосходно устроенным телом, если животные служат нам, если по положению светил мы узнаем волю судьбы, то не ясно ли, что вся природа движется вокруг человека, как центра, что человек является её конечной целью. Но эта природа есть высшее провидение, чудесная, божественная воля, проникающая вселенную. Сам Бог, который, как отец, окружает любовью человека, свое создание, но сам остается невидим ему, а только чувствуется благочестивым сознанием. Этому божеству подчинены отдельные частичные силы, ибо мир и звезды, и элементы – также боги, носящие в себе часть божественной воли.

Однако эпикурейцы находили эту величественную пантеистическую философию, воодушевлявшую бесконечное множество людей, в лучшем случае, смешной. В аллегорических богах стоиков они видели лишь фантастические образы разгоряченного воображения; разве какой-нибудь бог света или огня, говорили они, может удержать человека от злого дела? Стои-

ческое провидение, проникающее вселенную божественное начало, для эпикурейцев не более, как старая тетка, которая всюду сует свой нос, где её не спрашивают. Ведь этот бог стоиков никогда не может успокоиться, если ему приходится заботиться о таком множестве дел. Что же касается цели, то её вовсе не видно. Разве можно найти какую-нибудь пользу в существовании, напр., блох, вшей, клопов и т. п. отвратительных тварей? Наконец, где же был Бог до сотворения мира? – Между тем, как эпикурейцы таким образом досаждали стоикам, против последних поднялся новый могучий враг в виде *скептического* направления платоновской школы. С эпикурейцами, правда, *скептики* тоже не хотят иметь ничего общего, но тем не менее отчасти они идут с ними по одному пути, не с целью разбить стоиков, а с целью познать истину или, по крайней мере, хотя бы отчасти постичь ее, они устанавливают принцип полного отсутствия предопределения. По их мнению, прежде всего вселенная не дает никакого повода для вывода заключения о её божественности. Планомерность её аналогична правильности явления приливов и отливов, или периодичности перемежающейся лихорадки, в которых ни одному человеку, конечно, не придет в голову, видеть что-либо божественное. Все это проходит; преходящи также и вселенная, и звезды, и элементы; Бог же не может быть преходящ. С богами нельзя ничего предпринять; о многих из них нельзя решить, были ли они богами или какими-нибудь другими существами. Лучше всего, поэтому, совсем оставить их в стороне; иначе пришлось бы, пожалуй, чтить также и египетские звериные божества. Аллегории же вовсе не выдерживают критики, потому что здесь во всякое время можно выдумывать новые, в этой области господствует полный произвол. Далее, знание будущего, также, по мнению стоиков, происходящее от богов, вовсе не может осчастливить человечество. Для чего знать человеку заранее то, что все-равно должно случиться? Вообще астрология – это полнейшее надувательство; ни один человек не в состоянии составит верный гороскоп. Наконец если бы действительно существовало святое и справедливое провидение, то оно, конечно, поощряло бы добрых и наказывало бы злых. А между-тем мы являемся свидетелями как раз обратного. Самые благородные люди проводят жизнь в страданиях, *Сократ* сделался жертвой несправедливости; зато массовые убийцы, тираны, святотатцы чувствуют себя превосходно. Вера в богов этим вовсе не должна быть поколеблена; но так как все народы чтут различных богов, каждый философ создает свою систему, то мы и не можем прийти ни к какому цельному результату.

Не смотря на эти остроумные вопросы, стоики, хотя и принужденные сделать кой-какие уступки, все-таки остались при своей возвышенной точке зрения. Хотя несколько и комично, что они на вопрос эпикурейцев соглашались призвать даже пользу названных выше насекомых, но тем не менее они снова выдвигают ту точную точку зрения, что несчастья представляют собою, в конце концов, лишь испытания, ниспосылаемые провидением.

Стоики обладают смелым убеждением, которым воспользовалось и христианство, именно, что несчастья служат лучшей школой для человека. Бог не балует добрых людей, он заставляет их трудиться; он не делает своих детей изнеженными, как чувствительная мать. Все препятствия в конце концов идут на пользу тем, на чьем пути они встречаются, особенно же для целого. Таким образом, когда человек спрашивает себя, почему при землетрясениях или при наводнениях погибает также такое множество добрых людей, то ответ на это гласит, что истинные основания этого нам недоступны, мы не должны даже спрашивать о них. Бог, как справедливый отец, наблюдающий за всем, знает лучше нас, близоруких людей, что необходимо для вселенной, и даже эти стихийные явления направляются им на пользу целому. Если же злему часто все в жизни удается, доброго же преследуют неудачи, то скептики должны помнить, что добрые люди и Бог родные друг другу; злые лишь рабы его. Пусть они веселятся и легкомысленно убивают время, дети Господни должны вести скромный и благопристойный образ жизни. Нет несчастнее того человека, которого никогда не постигали несчастья; судьба всегда избирает наиболее смелых. Кормчего можно узнать только во время бури, войну – во время битвы, добродетель, не встречающая сопротивления, умирает от истощения. И если нам

приводят пример Сократа, погибшего вследствие несправедливости, то мы спросим, разве его участь дурна тем, что он принял целебный напиток бессмертия. Нет, истинное несчастье – зло, а от него то как раз и удерживает Бог добрых людей. Те люди, которые кажутся счастливыми, часто бывают жалки, они подобны выбеленным стенам. Страдающие учат других терпению, они служат для них примером. Бог не может наказывать только злых на земле; ветер не может быть благоприятным для доброго и неблагоприятным для злого, ни один врач не откажет в своем лекарстве дурному человеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.